

Вэнь Цинлинь ушёл в кабинет за бейджем участника, а Шэнь Тинюань остался ждать на месте. Сунь Чуань тоже не спешил уходить.

Он был почти на полголовы ниже Шэнь Тинюаня, и его попытка смерить собеседника снизу вверх с широко распахнутыми глазами выглядела довольно комично.

— Что... что ты имел в виду? — Сунь Чуань всё ещё отказывался верить услышанному.

Шэнь Тинюань, разумеется, прекрасно понимал, о чём тот спрашивает. Однако, словно нарочно разжигая чужую растерянность, он смакующе повторил слово «член семьи», слегка зависив интонацию на последнем слоге, и лишь затем с невозмутимым видом выделил каждое слово:

— В самом буквальном смысле.

— Вы... встречаетесь? — едва сдерживая дыхание, попытался угадать Сунь Чуань.

Шэнь Тинюань ответил не сразу.

«Встречаемся».

Эти слова отозвались в глубине его души мгновенной укоризненной досадой: он ведь так и не успел толком ухаживать за Вэнь Цинлинем, у них не было романтического периода отношений.

Впрочем, Сунь Чуаню об этом знать вовсе не обязательно.

— Нет, — Шэнь Тинюань чуть прикрыл глаза и негромко отчеканил: — Позволь поправить. Мы женаты. И наш брак официально признан законом.

На этот раз Сунь Чуань не просто вылутился на него — у него буквально отвисла челюсть. Изумление настигло его в самой крайней степени.

Однако не успел он опомниться и задать очередной вопрос, как из кабинета вышел Вэнь Цинлинь.

Передав бейдж Шэнь Тинюаню, он с едва уловимой тёплой улыбкой проследил, как тот аккуратно надевает его на шею, после чего перевёл взгляд на опешившего коллегу и ненавязчиво поинтересовался:

— Учитель Сунь, что-то произошло?

Сунь Чуань остался преподавать в университете и уже получил профессорское звание, поэтому Вэнь Цинлинь по привычке обращался к нему именно так. Ему не нравилось называть его «старшим товарищем» — в этом слове Вэнь Цинлиню всегда мерещился какой-то двусмысленный подтекст, и ему совершенно не хотелось тратить его на человека, к которому он не питал ни малейшего интереса.

— Ничего... — Лишь спустя пару секунд Сунь Чуань с трудом взял себя в руки, хоть его тон и оставался натянутым. — Просто я вдруг узнал, что вы с господином Шэнем... что вы расписались. Это ужасно неожиданно.

Помолчав, он будто ухватился за какую-то зацепку и с живостью добавил:

— Но свадьба — это ведь такое событие! Почему ты никому не обмолвился? Похоже, большинство твоих знакомых в арт-кругах тоже ни о чём не догадываются?

Иначе слухи давным-давно дошли бы и до него.

Убеждаясь в собственной догадке, Сунь Чуань снова расплылся в подобии улыбки — то был чистейшей воды злорадный оскал. Видимо, решил, что Шэнь Тинюань хоть и заполучил тело Вэнь Цинлиня, но так и не сумел достучаться до его сердца.

Лицо Шэнь Тинюаня мгновенно потемнело.

Однако, не дав ему вставить и слова, Вэнь Цинлинь с абсолютным спокойствием, предельно естественным тоном произнёс:

— Мы с господином Шэнем в последнее время слишком загружены, поэтому времени на организацию торжества просто не было. Когда затеем подготовку к свадьбе, обязательно всех оповестим.

Шэнь Тинюань на миг замер.

Поняв, что продолжать разговор бессмысленно, Сунь Чуань состряпал нелепый предлог и спешно ретировался.

Едва тот скрылся из виду, Шэнь Тинюань опустил взгляд и тихо спросил:

— Учитель Вэнь хотел бы сыграть свадьбу?

Шэнь Тинюань задавал этот вопрос не впервые. Ещё тогда, когда Вэнь Цинлинь только согласился расписаться с ним, он уже спрашивал об этом. Но Вэнь Цинлинь тогда без тени сомнения отрезал: «Не хочу, сплошная суета».

С тех пор Шэнь Тинюань больше не поднимал эту тему.

И всё же на этот раз Вэнь Цинлинь заговорил об этом сам. Разум подсказывал Шэнь Тинюаню, что муж лишь спасает его тщеславие — или, вернее, защищает репутацию их брака перед посторонними, — но сердце, вопреки всякой логике, вновь трепетно ёкнуло в предвкушении.

И Вэнь Цинлинь действительно не стал сразу отказывать.

Казалось, сам того не замечая, он перестал относиться к идее свадебного торжества с прежним отторжением.

Более того...

Вэнь Цинлинь даже поймал себя на смутном любопытстве: каково это — увидеть Шэнь Тинюаня на собственной свадьбе? Будет ли он выглядеть как-то иначе?

Впрочем, вслух он лишь произнёс:

— Возможно, когда мы оба немного освободимся, стоит об этом подумать.

Но даже такой ответ прозвучал для Шэнь Тинюаня оглушительным, невероятным подарком судьбы.

У него прервалось дыхание, и лишь через мгновение он сипло отозвался:

— Хорошо. Как скажет Учитель Вэнь.

Неподалёку уже поджидали посетители, желавшие поговорить с художником. Порой доносился сдержанный шепот — люди вовсю гадали, что связывает Вэнь Цинлиня и Шэнь Тинюаня.

Зная, что Вэнь Цинлинь терпеть не может лишнего внимания к своей личной жизни, Шэнь Тинюань деликатно свернул разговор. Он шутливо похлопал пальцем по бейджу у себя на груди и полусерьёзно молвил:

— Учитель Вэнь, я, пожалуй, пойду выполнять свои обязанности.

С этим словом он развернулся и направился к центру выставочного зала.

К Вэнь Цинлиню тут же подоспели ценители искусства, и он увлёкся обсуждением концепций своих картин и тонкостей живописной техники...

Однако краем глаза он всё же проследил за удаляющейся фигурой Шэнь Тинюаня, лишь теперь до конца осознав, что в его недавнем выпаде против Сунь Чуаня сквозило откровенное желание «обозначить свои права».

И хотя Шэнь Тинюань действовал предельно сдержанно, сам этот порыв неприкрытого собственничества невероятно льстил Вэнь Цинлиню.

Между тем у самого Шэнь Тинюаня произошёл небольшой инцидент.

Хотя изначально он попросил бейдж из чисто эгоистичных побуждений, но раз уж повесил карточку на шею, то подошёл к делу со всей ответственностью.

Впрочем, некоторые вещи он сделал бы в любом случае, даже без всяких документов.

К примеру —

Случайно заметил трёхлетнего мальчугана, который каким-то образом отбился от родителей. Вопреки всем правилам выставки, сорванец сжимал в одной ручонке надкусанную шоколадную булочку, а в другой держал открытый стаканчик с апельсиновым соком — и с этим «арсеналом» упрямо пытался пролезть под оградительную ленту прямо к картинам...

Шэнь Тинюань решительным шагом направился к нему и строго окликнул:

— Малыш, вылезай оттуда.

Голос звучал сурово и непререкаемо, способный испугать кого угодно. Но, видно, глупость не знает страха: мальчишка лишь оглянулся на него, тут же потерял интерес и окончательно юркнул за ленту.

Мало того, он поднял пухлую ручонку с перемазанной шоколадом булочкой, собираясь ляпнуть прямо по полотну Вэнь Цинлиня!

Увидев, что шоколад вот-вот вьестся в картину, Шэнь Тинюань среагировал мгновенно.

Протянув руку, он цапнул мальчишку за капюшон худи и буквально вытащил его из-за ограждения, точно беспомощного цыплёнка.

Картина Вэнь Цинлиня осталась невредима.

Шэнь Тинюань с облегчением перевёл дух.

Однако не успел он даже выдохнуть, как почувствовал, что кисти стало мокро.

Оказалось, мальчишка не удержал равновесие, растянулся на полу и разом выплеснул весь свой стакан сока прямо на смартфон, который Шэнь Тинюань держал в руке...

Маленький виновник происшествия вопил во весь голос, развалившись на паркете, из-за чего посетители выставочного зала стали недоумённо оглядываться.

Шэнь Тинюань глубоко вдохнул, едва удерживаясь от злобного смешка.

Шум поднялся нешуточный, и вести, разумеется, долетели до Вэнь Цинлиня.

Молодая пара, стоявшая среди гостей возле художника, выбежала из толпы и суматошно устремилась к месту происшествия.

Едва они приблизились, Шэнь Тинюань сыграл на опережение и с ледяной суровостью произнёс:

— В выставочном зале строго запрещено проносить еду и напитки.Guests неоднократно предупреждали внимательно следить за детьми во избежание порчи экспонатов. Как вы вообще исполняете свои родительские обязанности?

Он не повышал голоса и говорил ровно, но в его тоне проступала невидимая властность человека, привыкшего повелевать, отчего вокруг повисла тяжелая, давящая тишина.

Молодая женщина подняла плачущего сына. Под давлением тяжёлого взгляда Шэнь Тинюаня она сперва струсила, но, заметив у него на груди бейдж сотрудника, воспрянула духом и огрызнулась:

— Да как вы вообще разговариваете?! Разве так должен вести себя служащий...

Она хотела сказать «служащий музея», но не успела закончить — муж мёртвой хваткой вцепился ей в руку.

Мужчина сразу узнал Шэнь Тинюаня и, рассыпаясь в подобострастных поклонах, запричитал:

— Простите великодушно, господин Шэнь! Наша вина, недосмотрели за сорванцом, мы обязательно его накажем! Скажите, полотно Учителя Вэня не пострадало?..

Шэнь Тинюань не стал сглаживать углы и отрезал:

— Опоздай я хоть на секунду — и от картины ничего бы не осталось.

От этих слов отец семейства окончательно побледнел, а его супруга притухла и не смела больше вымолвить ни слова. Снова и снова извиняясь, они подхватили ревущего ребенка и быстро покинули зал.

Вэнь Цинлинь подошёл чуть позже — дождался, пока виновники уйдут, и встал рядом с Шэнь Тинюанем.

Уже поняв суть случившегося, он с легкой улыбкой проговорил:

— Спасибо господину Шэню за спасение моего творения.

Однако губы Шэнь Тинюаня оставались сжаты в тонкую линию, а желваки на скулах продолжали ходить ходуном.

Вэнь Цинлинь пристально взгляделся в его лицо и с удивлением понял: тот всё ещё в ярости.

Причём задет гораздо сильнее, чем сам художник.

Этот факт искренне изумил Вэнь Цинлиня.

Заметив его пристальный взгляд, Шэнь Тинюань повернул голову и негромко спросил:

— Учитель Вэнь, что вы во мне разглядываете?

— Впервые вижу господина Шэня в гневе, — не без лукавства отозвался Вэнь Цинлинь. — Очень необычное зрелище.

К тому же, мысль о том, что причиной этой бури стала угроза его картине, отозвалась в груди Вэнь Цинлиня странным трепетом — смесью потаённого азарта и непривычно сладкой нежности.

— Я ведь тоже человек, — со вздохом заметил Шэнь Тинюань.

А человеку свойственны и страсти, и гнев, и радость.

Вэнь Цинлинь тихо усмехнулся и не стал развивать тему. Переведя взгляд на гаджет в руке мужа, он спросил:

— Проверял? С телефоном всё в порядке?

Только тут Шэнь Тинюань вспомнил про залитый соком смартфон.

Он вытащил из кармана плаща бумажную салфетку, неторопливо смахнул остатки липкой жидкости с корпуса и попытался снять блокировку.

Дисплей загорелся, но, судя по расплывшимся под стеклом темным разводам, сок успел просочиться внутрь.

Шэнь Тинюань попробовал нажать на экран, но тачскрин напрочь отказался откликаться.

Сенсор приказал долго жить.

— Ничего страшного, — не меняясь в лице, произнёс Шэнь Тинюань. Он поднял глаза на Вэнь Цинлиня и мягко попросил: — Одолжите телефон, Учитель Вэнь? Я наберу Хэ Цяня, пусть привезёт новый.

Вэнь Цинлинь помедлил и не стал протягивать свой смартфон.

— Позволь мне купить тебе новый. В конце концов, господин Шэнь лишился техники, спасая мою картину. Пусть это будет...

На языке у Шэнь Тинюаня мгновенно осадилась горечь.

Он уже заранее знал, какое слово сейчас слетит с губ Вэнь Цинлиня — «компенсация».

Вэнь Цинлинь всегда выстраивал между ними непроницаемые границы.

Шэнь Тинюань знал об этом и изо всех сил пытался смириться, хотя в глубине души мечтал, чтобы они перестали вести подсчёт долгам и услугам.

Однако...

Вопреки его ожиданиям, Вэнь Цинлинь произнёс вовсе не «компенсация».

Сделав крошечную паузу, художник тепло улыбнулся и окончил мысль:

—...пусть это будет подарком в знак благодарности. За спасение моего творения.

Шэнь Тинюань застыл.

Пусть «благодарность» всё ещё звучала сдержанно и вежливо, но непринужденный, слегка ироничный тон Вэнь Цинлиня и его ласковый прищур заставили сердце Шэнь Тинюаня отмякнуть.

Не став спорить, он кивнул и тихо отозвался:

— Хорошо, сделаем, как просит Учитель Вэнь.

Инцидент был исчерпан, и Вэнь Цинлинь не стал возвращаться к толпе гостей.

— Уже полдень, — предложил он. — Пойдём пообедаем, а заодно заглянем за новым телефоном?

Шэнь Тинюань, разумеется, охотно согласился.

Они направлялись к служебному выходу из зала.

О том, чтобы пообедать отдельно от Тун Нина, Вэнь Цинлинь договорился с ним заранее — всё-таки на выставке должен был остаться кто-то из своих.

За дверью начинался служебный коридор — глухой, без окон, наподобие пожарной лестницы, освещаемый лишь редкими плафонами.

Спускаясь на уровень второго этажа, Вэнь Цинлинь заметил, что лампочка на потолке судорожно мигает, вот-вот готовая перегореть, и невольно прибавил шаг.

Мало кто знал, что он страдал довольно тяжёлой формой куриной слепоты.

Увы, удача была не на его стороне.

Стоило ему преодолеть ещё пару ступеней, как лампочка с тихим треском погасла.

Мрак стал абсолютным.

Оказавшись в непроглядной тьме, Вэнь Цинлинь судорожно вцепился одной рукой в перила, а другой выудил из кармана смартфон, намереваясь включить фонарик.

Но, сняв экран с блокировки, он обнаружил плачевную картину: из-за раннего подъема и

бесконечных звонков, переписок и обмена контактами с галеристами и организаторами...

Заряд батареи упал до одного процента, и при попытке задействовать вспышку аппарат просто отключился.

— Господин Шэнь, твой телефон... — на автомате вырвалось у Вэнь Цинлиня.

Но на полуслове он спохватился: устройство Шэнь Тинюаня вышло из строя, сенсор не работает.

Беда, как водится, не приходит одна.

Сжав губы, Вэнь Цинлинь умолк и, крепко держась за поручень, наощупь стал спускаться дальше.

В это время Шэнь Тинюань достал свой смартфон и нажал кнопку питания.

Фонарик запустить не удалось, однако слабого свечения дисплея вполне хватало, чтобы различать ступени под ногами — по крайней мере, человеку с нормальным зрением.

Но для Вэнь Цинлиня, практически слепнувшего в темноте, этот блеклый свет был совершенно бесполезен.

Ему всё так же приходилось продвигаться наугад.

Он уже приготовился добираться до первого этажа на ощупь, как вдруг его опущенной ладони коснулось сухое, ощутимое тепло —

Шэнь Тинюань уверенно взял его за руку.

И тут же над самым ухом Вэнь Цинлиня прозвучал его низкий, размеренный голос:

— Слишком темно, осторожнее, не оступись.

Вэнь Цинлинь не сразу нашёл, что ответить.

Говорят, когда отказывает одно из чувств, остальные обостряются до предела.

Вэнь Цинлинь знал это по собственному опыту — именно поэтому в личные моменты утех он так любил завязывать себе глаза.

Вот и сейчас...

Вокруг царил беспросветный сумрак, скрывавший весь мир.

Но зато в мягком тоне Шэнь Тинюаня он отчётливо уловил странную, хрипловатую интонацию, а ещё услышал его сбившееся, учащённое дыхание.

Низкое, тяжелое, рваное...

Не совсем к месту Вэнь Цинлинь вспомнились их ночи и то, как Шэнь Тинюань дышал ему в шею, с трудом сдерживая стоны.

Это невероятно волновало.

А его сжатая ладонь ощущала всю силу, весь жар крупных пальцев Шэнь Тинюаня...

Это тепло волной разливалось по жилам, проникая в самое сердце.

Лишь мгновение спустя Вэнь Цинлинь с удивлением осознал: кажется, это был их самый первый раз, когда они просто держались за руки.

Очнувшись от нахлынувших чувств, он помедлил и тихо спросил:

— Господин Шэнь, ты заметил, что у меня куриная слепота?

Спросив это, он инстинктивно повернул голову в сторону спутника.

Однако ответа не последовало.

Вэнь Цинлинь ничего не видел, а потому не догадывался, что из-за этого движения очутился к Шэнь Тинюаню практически вплотную.

Слабого мерцания экрана вполне хватало человеку с нормальным зрением: Шэнь Тинюань отчётливо видел вздрагивающие густые ресницы, полузатуманенный взгляд миндалевидных глаз...

В полумраке его вечно холодное, отстранённое лицо казалось удивительно мягким и беззащитным.

И до безумия красивым.

И, разумеется, Шэнь Тинюань не мог оторвать взгляда...

От изящно очерченных тонких губ, которые только что шевелились совсем рядом.

Шэнь Тинюань непроизвольно прижал кончик языка к клыку.

В его груди с новой силой закипело жаркое, непреодолимое влечение.

Вэнь Цинлинь всегда отличался чуткостью.

Не дождавшись ответа, он лишь сильнее уловил тяжёлое, прерывистое дыхание мужа — горячий воздух опалял его щеку и губы...

Он мгновенно понял, насколько близко они стоят.

Говорят, во тьме легко зарождается двусмысленный флёр, но Вэнь Цинлинь знал: темнота порождает куда большее, чем просто лёгкий флирт.

Она обнажает самые сокровенные желания, въевшиеся в кости, придаёт дерзости и пьянит будоражащим азартом.

На его губах скользнула едва заметная ухмылка. Повинуясь внутреннему чутью, Вэнь Цинлинь подался ещё немного вперёд —

Пока они не коснулись друг друга кончиками носов.

Теперь он точно знал: их губы разделяет какая-то доля миллиметра.

Но именно здесь Вэнь Цинлинь замер — на дразнящей грани, когда дыхание сливается воедино, но желанного поцелуя так и не происходит.

— Господин Шэнь, — тихо прошептал он. Его голос шёлком проскользнул по самому сердцу Шэнь Тинюаня. — Знаешь, что полагается делать в таких ситуациях?

Завлекающий, откровенный подтекст ощущался без особых усилий —

То было неприкрытое, чистое соблазнение.

Сердце Шэнь Тинюаня заколотилось как сумасшедшее.

И сквозь этот оглушительный гул в ушах Шэнь Тинюань отчётливо понял:

Вэнь Цинлинь приглашает его поцеловаться.

<http://bllate.org/book/20550/2132730>